

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

РОМАНЫ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ И В МЕМУАРАХ А. Т. БОЛОТОВА

Тема А. Т. Болотова как читателя неоднократно привлекала внимание исследователей творчества писателя.¹ В сборнике статей Болотова «Забавы живущего в деревне» содержатся две статьи, написанные в 1767 г.: «О пользе, происходящей от чтения книг»² и «Мысли о неохоте к чтанию книг»,³ в которых Болотов в тради-

¹ См.: *Щепкина Е. Н.* Популярная литература середины XVIII века (по запискам А. Т. Болотова) // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. ССXLIV. Апрель. С. 238–276; *Мартынов И. Ф.* Частные библиотеки в России XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. С. 101–116; *Глаголева О. Е.* 1) Библиотека А. Т. Болотова // Книга в России XVI — середины XIX века: книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 79–95; 2) А. Т. Болотов как читатель // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 140–158; *Демиковский А. К.* А. Т. Болотов — читатель // Судьбы отечественной словесности XI–XX веков. Тез. докл. науч. конф. молодых ученых и специалистов. СПб., 1994. С. 19; *Schmücker A. A.* T. Bolotov als Leser // Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas herausgegeben von Hans-Bernd Harder und Peter Schreiber. Gessen, 1977. Bd. 14. S. 342–355.

² Из наследия А. Т. Болотова: Статья «О пользе, происходящей от чтения книг» / Подгот. текста, предисл. А. Ю. Веселовой // XVIII век. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. СПб., 1999. С. 358–367.

³ *Болотов А. Т.* Мысли о неохоте к чтанию книг // Забавы живущего в деревне, или Собрание разных мелких нравоучительных, сатирических, натурологических и других, отчасти важных, отчасти забавных сочинений, писанных в разные часы для пользы и удовольствия себя и другим людям одним россиянином, сочинявшим некогда детскую философию и разные другие книги. РНБ. Ф. 89. Ед. хр. 64. Л. 41–41 об.

ционной для него манере писем к «любезному другу» разъясняет пользу чтения. В статье «О пользе, происходящей от чтения книг» Болотов строит свою систему доказательств, исходя из различия обстоятельств, при которых происходит на свет человек и животное: «Бесконечный Создатель, создав нас таким образом, требует, чтобы мы до тех пор от других воспитываемы, всему учены были и в сем бы зависели, покуда не вырастем».⁴ Автор статьи видит два способа приобретения знаний, необходимых человеку: самостоятельное размышление и заимствование этих знаний у других, то есть «обучение наук», которое наиболее удобно осуществлять с помощью книг: «И не посредством ли печатания книг и поныне все то сообщается, чтобы кто во всем почти свете новое ни сыскал и ни выдумал <...> Я сему последнему еще для того более пользы приписываю, что наукам обучаться не всякому время, и не у всякого довольно к тому достатка бывает, напротив того, чтение книг в десятиую долю тем затруднениям не подвержено».⁵

В целом, Болотов полагал, что при определенной степени подготовленности человек может извлечь пользу почти из любой книги. В «Собрании различных нравоучительных правил», книге, составленной Болотовым в Кенигсберге частью из цитат, частью из собственных размышлений, он рассматривает чтение как особое искусство: «Впрочем, знай, что каждая книга нам полезно быть может, если оную благоразумным образом читать станем, и не забывай, что нам чтением своим надлежит пчеле уподобляться, ибо как она по всем местам летая из добрых и худых вещей себе мед выбирает, так и нам добрые и худые книги читать можно, тогда только станем из них одни только цветы и полезное нам выбирать, ибо нет почти никакой книги, в которой бы ничего хорошего найти было не можно».⁶

В своем понимании чтения как искусства, которому можно научиться, Болотов отнюдь не оригинален.⁷ Но, рассуждая о пользе

⁴ Болотов А. Т. О пользе, происходящей от чтения книг. С. 365.

⁵ Там же. С. 366.

⁶ Болотов А. Т. Памятная книжка, или Собрание различных нравоучительных правил, собственно себе для памяти при разных случаях записанных. 1762. (Кенигсберг). РНБ. Ф. 89. № 55. Л. 138.

⁷ См., например: Херасков М. М. О чтении книг // Полезное увеселение. 1760. Янв. С. 3; Подшивалов В. С. Сокращенный курс российского слога, изданный

чтения, он в первую очередь все же имеет в виду книги философского и научного содержания, с сожалением отмечая, что популярностью пользуются в основном не эти книги: «Романы, басенки, историйки составляют большую часть библиотек наших, буде их так назвать можно, а других, и таких, в которых бы не такие пустоты, но о важнейших и о полезнейших материях писано весьма немного, а у кого они есть, так и то по большей части для умножения числа книг и богатых переплетов в шкафах они стоят».⁸ При этом читательские интересы самого Болотова были весьма разнообразны и не ограничивались книгами чисто познавательного и нравоучительного характера.

Значительную роль в формировании его любви к книге сыграли романы. Болотов, как типичный представитель своей эпохи, был воспитан на романе, достаточно новом для русской литературы этого периода жанре.⁹ Именно романы привили ему любовь к чтению, о чем он неоднократно говорил в своих записках. Первым прочитанным Болотовым романом оказался роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (*Les aventures de Télémaque, fils d'Ulisse*, 1734),¹⁰ один из самых популярных и признанных в России романов на про-

А. Скворцовым. М., 1796. С. 35. Ср. рассуждения Н. М. Карамзина о пользе любого чтения: «Не знаю, как другие, а я радуюсь: лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже без всякого таланта писанные, способствуют, некоторым образом, просвещению» (*Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви ко чтению в России // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 62*).

⁸ *Болотов А. Т. Мысли о неохоте к чтению книг. Л. 10.* Ряд авторов второй половины XVIII в. отмечали популярность романов относительно других книг, по-разному характеризуя это явление (см., напр.: *Сумароков А. П. О чтении романов // Трудолюбивая пчела. 1759. № 6. С. 374–375; Из Миллионной // Живописец. 1772. Л. 6. С. 43–44; Карамзин Н. М. О книжной торговле и любви ко чтению в России. С. 57–64*).

⁹ Обзор этапов вхождения романа в русскую культуру см.: *Ситовский В. В. Из истории русского романа и повести: Материалы по библиографии, истории и теории русского романа. Ч. I. XVIII век. СПб., 1903; Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М., 1982. С. 117–137; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 142–212; Очерки русской литературной критики. СПб., 1999. Т. 1. С. 95–109.*

¹⁰ Похождения Телемака, сына Улисса, сочинено г-ном Фенелоном ... переведено на российский язык в 1734 г. и по особливому высочайшему соизволению ... государыни Елизаветы Петровны... Напечатано при имп. Академии наук. СПб., 1747. Ч. 1–2.

тяжении всего XVIII в., неоднократно переводившийся и выдержавший множество переизданий.¹¹ Болотов пытался читать роман в оригинале, но из-за недостаточного знания французского вынужден был обратиться к переводу. Несмотря на философско-политическую направленность содержания и фактологическую насыщенность, это все же был роман, который произвел на молодого Болотова сильное впечатление именно как художественное произведение: «Сладкий пиитический слог пленил мое сердце и мысли, влил в меня вкус к сочинениям сего рода и вперил любопытство к чтению дальнейшего».¹²

В работах, посвященных раннему этапу становления романа в России,¹³ Болотов, несмотря на то, что он не принимал публичного участия в полемике о романах, традиционно представляется как защитник нового жанра. В своих записках он сформулировал некую квинтэссенцию спора о романах, опираясь на свой опыт: «По обыкновенному обвинению романов, что чтение их не столько пользы, сколько вреда производит и что они нередко ядом и отравой молодым людям почестья могут, подумать бы можно было, что и надо мною произвели они подобное тому действие, однако я торжественно о себе скажу, что мне не сделали они ничего худого.

¹¹ См.: История русской переводной художественной литературы. С. 85–87, 115–118.

¹² *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871–1873. Т. I. Стб. 108.

¹³ См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. СПб., 1909–1910. Т. 1. Вып. 1–2; *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750–1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 223–225; *Серман И. З.* Становление и развитие романа в русской литературе середины XVIII века // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX веков. М.; Л., 1959. С. 82–96; *Моисеева Г. Н., Серман И. З.* Зарождение романа в русской литературе XVIII в. // История русского романа в 2-х т. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 40–66; *Степанов В. П.* Элементы жанра в беллетристике XVIII века // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 35–50; *Царева В. П.* Становление романа в русской литературе 60–90-х годов XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; *Русский и западноевропейский классицизм.* С. 183–235; *Камедина Л. В.* К полемике русских литераторов второй половины XVIII века о жанре романа // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Метод и жанр. Межвуз. сб. науч. трудов. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1985; История русской переводной художественной литературы. С. 142–212; Очерки русской литературной критики. Т. 1. С. 95–109.

Сколько я их ни читал, но от всего чтения оных не приметил я ни тогда, ни после никаких предосудительных для себя следствий, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не соблазнен я ими был ни к каким худым делам и не вовлечен в пороки и распутную жизнь, но чтение оных напротив того произвело для меня бесчисленные выгоды и пользы. Ум мой преисполнился множеством новых и таких знаний, каких он до того не имел, а сердце нежными и благородными чувствованиями, способными не преклонять, а отвращать меня от пороков и худых дел, которым легко бы я мог сделаться подверженным».¹⁴ Этот неоднократно цитированный отрывок имеет свое продолжение: «Может быть, произошло все сие от того, что по особливому счастью с самого начала попались мне в руки романы наилучшего рода, писанные хорошими и славными сочинителями <...>. И много, может быть, поспешествовало к тому и предварительное расположение и состояние моего сердца, имеющего с малолетства более склонности к хорошему, нежели к дурному, и уже хорошее основание к люблению добродетели».¹⁵ Из приведенной цитаты следует, что для неподготовленного человека чтение романов должно быть выборочным (как известно, даже такой противник романов, как А. П. Сумароков, допускал, что некоторые из них, например «Телемак» или «Дон Кихот», могут принести пользу читателю¹⁶). Себя Болотов считал достаточно защищенным от любого дурного влияния. В 1811 г., в возрасте 73 лет он писал о себе: «...хотя так же, как и все прочие, рожден с поврежденной натурою и с обыкновенными склонностями ко всему злому и дурному, но по особливости Его милости и попечению обо мне, от самого моего малолетства находился в таких обстоятельствах, что опаснейшие и дурнейшие страсти не могли в сердце моем пустить коренья и с малолетства угнездиться во мне с излишком...».¹⁷

Подробно раскрывая роль романа в своей жизни, Болотов объясняет, что он имеет в виду, говоря о пользе, которую принесли ему

¹⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 825.

¹⁵ Там же. Стб. 826.

¹⁶ Сумароков А. П. О чтении романов. С. 374–375.

¹⁷ Болотов А. Т. Чувствования и размышления в последний день претекшего вновь года. 1811 // Болотов А. Т. Собрание мелких сочинений в стихах и прозе. Т. 5. РНБ. Ф. 89. № 69. Л. 139.

романы: во-первых, это упражнения в иностранных языках, во-вторых, получение сведений исторического и географического характера, и, наконец, то, что получая «увеселения» от романов, он не стремился к увеселениям иного рода, которые могли бы привести к пагубным последствиям.¹⁸

Те же положительные следствия чтения романов Болотов выделяет и в статье «О пользе, происходящей от чтения книг» из сборника «Забавы живущего в деревне». Демонстрируя безусловную пользу чтения для молодого человека на примере вымышленного героя Клеона, в биографии которого нетрудно угадать биографию самого Болотова, автор пишет: «Целый год не переставая почти читал он книги. Но по несчастью были они все романы, ибо он, по обыкновенной склонности молодого человека к увеселениям, находил в них более вкуса, нежели в других книгах, и для того и брал только одни романы. Хотя сии книги и не такого рода, чтоб от них какой пользы надеяться можно было, однако они, по крайней мере, ему вреда не делали, но напротив того, ту пользу принесли, что он в немецком языке утвердился и об обыкновениях многих иностранных земель получил понятие, а паче всего за чтением оных не имел времени делать товарищам своим компанию и чрез то впасть в такое же непостоянство, беспутство и мотовство, в какое они впали, и сделаться негодным человеком».¹⁹

Во многом стремясь оправдать собственное увлечение романами, но отнюдь не утверждая их безусловную пользу, Болотов подчеркивает, что при определенных благоприятных обстоятельствах роман может иметь положительное влияние на читателя, как «неубыточное» удовольствие, отвлекающее от пагубных увлечений и иногда содержащее нравоучительный и познавательный элементы. Но это не отменяет необходимости отбора литературы и подготовки читателя к восприятию некоторых произведений.

Вопрос выбора качественной литературы неоднократно поднимается Болотовым как в записках, так и в специально посвященных этому статьях. Одна из таких статей помещена в рукописном сборнике «Современник, или Записки для потомства» 1795 г., под загла-

¹⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 827–828.

¹⁹ Болотов А. Т. О пользе, происходящей от чтения книг. Л. 36.

вием «О выдаваемых книгах и объявлениях об оных и злоупотреблениях при том бывших».²⁰ Здесь Болотов пишет о своей потребности в рекомендательной библиографии:²¹ «...и если б по примеру иностранных была б такая книга, в которой бы достоинство всех книг прямо и беспристрастно было изображено и каждой придана нелепая цена; или хотя б издаваем был всем издаваемым вновь книгам журнал, с приобщением беспристрастной об них и хотя б самой короткой критики, то не только все заводящие у себя библиотеки вновь, но и прочие охотники до книг и всякой год их покупающие, могли бы с тем соображаться и избавлять себя от покупки негодных книг и сочинений и теряния денег по пустому».²² Образцом такой книги для Болотова могли послужить немецкие сборники рецензий на разного рода произведения, с которыми он познакомился еще во время службы в Кенигсберге в 1750-х гг. В мемуарах Болотов приводит слова одного знакомого ему немца: «В числе продажных книг есть некоторые особливые книжки, содержащие в себе советы для молодых людей, желающих заводить библиотеки, в которых сообщается краткая и разумная критика о книгах всякого рода и предлагаются советы, какие бы из какого класса лучше избирать и каких, напротив того, обегать должно. Таковою-то бы книжкою надлежало вам себя наперед снабдить, и чрез нее спознакомившись хотя вскользь с наилучшими авторами и сочинителями, поступать уже, власно как по писаному, и такие выбирать, какие более рекомендуются учеными сочинителями сих книжек».²³

Вероятно, именно потребность в такой книжке привела Болотова к составлению в 1791 г. сборника из 50 отзывов о романах «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков».²⁴ Этот до сих пор

²⁰ Опубликовано: *Губерти Н. В.* Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887. С. 27–28.

²¹ Н. В. Здобнов считает Болотова основоположником отечественной рекомендательной библиографии: *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1955. С. 69.

²² *Губерти Н. В.* Историко-литературные и библиографические материалы. С. 27.

²³ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения... Т. I. Стб. 818.

²⁴ Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. № 14. 173 л. Частично опубликовано: Из неизданного литературного

полностью не опубликованный сборник хорошо известен исследователям. На его материале рассматриваются и вопросы, касающиеся толкования жанра романа в России конца XVIII в. в целом, и вопросы о восприятии отдельных авторов и произведений, и проблема зарождения литературной критики в России. Второй том сборника, вероятно, не сохранился или не был составлен, первый же содержит 50 статей, из которых 4 посвящено русским романам, остальные — переводным, вышедшим на русском языке до 1791 г. (этим годом датирована рукопись). Все рецензии даны на русские переводы зарубежных романов (4 из рецензируемых произведений переведены с немецкого, по одному с итальянского и испанского, а остальные с французского языков).

В предисловии к своему сборнику Болотов объясняет, какую цель он при этом преследовал и на кого этот сборник прежде всего рассчитан: «Ничто, как желание оказать некоторую услугу тем, кому сия книжка в руки попадет, побудило меня написать и составить оную. Романов, изданных в сии последние времена на нашем российском языке уже так много, и разность между ними в рассуждении качества и доброты их так велика, что почти необходимая уже надобность есть при покупке и чтении оных делать благоразумный выбор, а не все то покупать и читать, что в руки попадет. А как к тому весьма много поспешествовать могут беспристрастнейшие об них суждения и замечания о том, что в котором из них хорошего и что худого есть, то и вздумалось мне всякий раз, когда не случится читать какой роман, делать об них помянутые замечания, все нужное о каждом для себя записывать».²⁵

Болотов выбрал жанр романа как, с одной стороны, достаточно демократичный (в плане его доступности даже не очень образованному читателю), а с другой — таящий в себе опасность пагубного воздействия на молодого и неопытного человека. Именно такой жанр нуждается в «путеводителе» и, вероятно, именно эту пользу Болотов имел в виду, утверждая, что собирается писать «критику особого рода, а не такую, какая иными пишется, но полезнейшую».²⁶

наследия Болотова / Публ. А. Кучерова, И. Морозова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9–10. С. 153–222.

²⁵ Литературное наследство. С. 194.

²⁶ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. IV. Стб. 799.

Показательно, что почти каждый отзыв Болотов заключает выводом о том, стоит ли книгу читать вообще, а также покупать и держать в собственной библиотеке и, наконец, можно ли ее давать в руки дамам.

Сам Болотов не написал ни одного романа, но неоднократно брался за переводы, особенно в ранний период своего творчества. Два его перевода были опубликованы,²⁷ еще четыре сохранились в рукописи.²⁸

Таким образом, можно не только с уверенностью утверждать, что доля романов в круге чтения Болотова была значительна, но и констатировать особую роль этого жанра в формировании его мировоззрения. Это обстоятельство напрямую связано с вопросом о жанровой специфике мемуаров Болотова, который был поставлен исследователями вскоре после издания записок. Так, В. В. Сиповский в своей монографии по истории русского романа назвал их «сбивающимися на роман».²⁹

Даже имманентный анализ мемуаров позволяет выявить приемы, использованные Болотовым для беллетризации истории своей жизни. Так, для завлечения читателя применяются небольшие хронологические смещения и намеки, как, например, в эпизоде, где Болотов описывает свои сомнения в христианской вере: «Ах! моления мои были сим благодетельным Творцом и услышаны, и святой деснице Его угодно было наконец отвлечь меня от бездны <...> и к сему очевидному почти избавлению моему из крайней опасности

²⁷ *Бевиус А.* Генриетта, или Гусарское похищение, приключения, происходившие во время недавно бывшей войны у пруссаков с цесарцами. Переведена с немецкого А. Б. Ч. 1–3. М., 1782; Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда, претендента Великобританской, Французской и Ирландской короны. Переведена с немецкого А. Б. М., 1784.

²⁸ *Болотов А. Т.* 1) Перевод повести Ш. Ж. Ла Морльера «Милорд Станлей, или Добродетельный преступник». Т. 1–2. 1759. Писарская копия. 78 л. РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 4–5; 2) Перевод повести А. Ф. Прево д'Экзиля «Аглицкой философ, или История господина Клевеланда, побочного сына Кромвелова, им самим описанная». Т. 1. 1760-е гг. Писарская копия. РГБ. Ф. 475. К. 6. Ед. 6; 3) Перевод романа Г. Филдинга «Амелия». Ч. 4. 1767. РГБ. Ф. 475. К. 6. Ед. 1; 4) Перевод повести Ф. Г. Дюкре-Дюмениля «Лолотта и Фанфан, или Приключения двух младенцев, оставленных на необитаемом острове». Ч. 1–2. 1791. РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 2–3.

²⁹ *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа. Т. I. Вып. 2. С. 638.

и к спасению моему употребить по наружному виду самую безделку и вещь, ничего не значущую. Теперь спрошу я вас, любезный приятель, могли ль бы вы подумать и поверить тому, что безделица, один прусский грош <...> в состоянии был вывести меня из помянутого наимучительнейшего состояния и положить твердое основание всему воздвигнутому потом и такому зданию моей веры, которое уже ничто поколебать не могло...».³⁰ Далее следует подробный рассказ о том, как купленная на один грош немецкая проповедь помогла автору укрепиться в вере.

Повествование может прерываться в кульминационный момент. Например, 16-я часть 3-го тома заканчивается сообщением о появлении некоего незнакомца, который изменил все течение жизни повествователя. Следующая часть начинается со слов: «Не сомневаюсь, что слова сии были тогда для вас загадкою и что вы с любопытством ожидаете от меня разрешения оной».³¹ Болотов активно использует вставные новеллы — рассказы других лиц и даже письма, в том числе реальные, как собственные, так и обращенные к нему, например от сына. Наконец, комические фрагменты, наличие которых специально оговорено в предисловии, и частые переходы от веселого к печальному также могут быть названы среди характерных для романа приемов, описанных Болотовым в сборнике «Мысли и беспристрастные суждения о романах...».

Тем не менее это не снимает вопроса об образцах, на которые Болотов мог ориентироваться, приступая к написанию мемуаров. Мемуары Болотова были отнюдь не единственными записками частного человека, созданными в этот период, но ознакомиться с другими образцами жанра у Болотова возможности не было. Одного стремления «о себе оставить потомкам моим незабвенную память»³² вряд ли было достаточно для того, чтобы решиться на подробное и длительное описание своей жизни, не имея перед собой никаких примеров. Подробных исследований о связи записок Болотова с той или иной жанровой традицией до сих пор не проводилось. Между тем установление таких образцов даст возможность точнее охарактеризовать жанровую природу русских мемуаров XVIII в. и при-

³⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения... Т. III. Стб. 61.

³¹ Там же. Т. III. Стб. 363.

³² Там же. Т. I. Стб. 1.

близиться к пониманию специфики сознания человека XVIII столетия.

В первую очередь обращает на себя внимание эпистолярная форма записок. В частности, следует отметить точные наблюдения А. Е. Кузнецова по поводу эпистолярной и очерковой составляющих стиля мемуаров.³³ Ранее были отмечены переклички некоторых фрагментов мемуаров с реальными письмами Н. Е. Тулубьеву.³⁴ Р. М. Лазарчук также обратила внимание на совпадения между перепиской Болотова с Тулубьевым и романом Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» (вышел в 1766 г., то есть на шесть лет позднее переписки), сделав вывод о том, что в обоих случаях это отражение социальных и литературных процессов зарождения дружеского письма и формирования сентиментального стиля.³⁵ Но в статье Лазарчук не случайно не сделано следующего шага: между записками Болотова и романом Ф. А. Эмина уже нет ничего общего, потому мемуары — это рассказ о прошлом, а реальные письма — о настоящем (и в настоящем времени), в том числе о переживаемых здесь и сейчас чувствах. В итоге все эти справедливые наблюдения не дают ответа на вопрос, как происходит переход от отдельного письма или автобиографического очерка к жизнеописанию и что дает автору смелость сделать такой переход в отсутствие прямых образцов жанра.

Вероятно, ответ следует искать среди тех книг, которые читал Болотов, тем более что его круг чтения может быть восстановлен по целому ряду источников, среди которых, наряду с воспоминаниями, письма, упомянутые выше критические заметки об отдельных произведениях, сохранившиеся книги с владельческими пометами, частично дошедший до нас каталог библиотеки сына Павла и т. д.

³³ *Кузнецов А. Е.* Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 8–12.

³⁴ См.: Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761) / Подгот. текста, коммент., вступ. статья А. Ю. Веселовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 г. СПб., 2013. С. 293–396; *Веселова А. Ю.* Эпистолярная традиция в мемуарах А. Т. Болотова // XVIII в. Сб. 27. СПб., 2013. С. 69–84.

³⁵ *Лазарчук Р. М.* Роман Ф. А. Эмина «Письма Эрнеста и Доравры» в контексте писем А. Т. Болотова Н. Е. Тулубьеву // Карамзинский сборник: Россия и Европа: Диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 167–179.

К сожалению, ряд переведенных и рецензируемых Болотовым книг, как и некоторые упоминаемые им в мемуарах произведения, до сих пор не идентифицированы, хотя в этом отношении сделано очень много.³⁶ Одним из источников такой идентификации может послужить недавно обнаруженный список 55 иностранных книг из библиотеки Болотова, составленный, вероятно, в конце XIX в.³⁷ В небольшом предисловии к списку сказано, что на книжном развале в Твери было обнаружено около 60 томов книг на разных языках. Они имели владельческие надписи, порядковые номера (видимо, в личной библиотеке) и маргиналии Болотова, в частности, отметки с датами прочтений. В списке есть учебная литература (самый ранний том датируется 1747 г.), словари, экономические сочинения, но большая часть — это художественные произведения, а именно романы или повести. Работа с этим списком еще предстоит, но уже сейчас очевидно, насколько обнаруженный документ подтверждает роль романов в круге чтения Болотова.

Таким образом, у нас есть материал, позволяющий хотя бы отчасти установить, на какие образцы опирался Болотов, приступая к описанию своей жизни. В первую очередь следует остановиться на биографиях великих людей. Согласно мемуарам, именно «Жизнь Александра Македонского» Курция Руфа и «Жизнь Савойского принца Евгения» были в числе первых, самостоятельно прочитанных Болотовым книг. В дальнейшем Болотов сохранял интерес к биографическим повествованиям. В частности, в 1794 г. был издан выполненный им перевод «Жизнь и приключения Эдуарда, претендента английского» (стоит обратить внимание на совпадение названия с названием мемуаров Болотова). Безусловно, Болотов не приравнивал себя к личностям такого масштаба. Но, во-первых, он все же признавал и отмечал свои заслуги перед отечеством, особенно в области агрономии, дающие ему право на описание собственной жизни. Во-вторых, речь идет не об уподоблении великим

³⁶ См., в частности, «Историю русской переводной художественной литературы» (Т. 1), а также работы В. Д. Рака (*Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века*. СПб., 2008).

³⁷ Библиотека А. Т. Болотова. Статья неизвестного автора с приложением описания библиотеки // СПбФ АРАН. Ф. 208 (Ольденбург Сергей Федорович). Оп. 4 (Рукописи трудов других лиц). № 111.

героям прошлого, а только о заимствовании некоторых принципов построения текста. Так, все вышеперечисленные биографии, написанные в разное время, начинаются с подробного описания родословной героя. Болотов также посвящает первые письма истории своих предков. В целом, биографии исторических деятелей, по крайней мере названные выше, по большей части представляют собой изложение событий, участником которых был тот или иной исторический персонаж. В записках Болотова отчетливо выделяются фрагменты, в которых личная история уступает место изложению событий, причем с привлечением других источников. Болотов был участником большой европейской войны, не говоря уже о других, также значимых для России событиях. Но именно Семилетняя война дала Болотову чувство причастности к мировой истории и европейской культуре, причем еще в молодости. Следует отметить, что интерес к внешней политике Болотов сохранял до конца дней, что не очень типично для русского провинциального дворянина XVIII в., последние 40 лет прожившего в тульском имении. В переведенной им истории английского претендента Эдуарда говорится: «Мы изобразим здесь вкратце сию странную и удивительную жизнь, которая особенностью своею столько же привлекательна, как Роман, но вкуче составляет частичку истории европейских держав недавно прошедшего времени».³⁸ Вероятно, ощущение себя «частичкой истории», исторической личностью, свидетельство которой имеет определенную ценность, было очень важно для Болотова, так как лишний раз подтверждало его, по выражению Ю. М. Лотмана, «право на биографию».³⁹ В итоге следует признать, что подробно изложенная Болотовым история Семилетней войны до сих пор является важнейшим источником информации для исследователей этого периода, хотя охватывает и те эпизоды, свидетелем которых Болотов быть не мог, и явно написана с привлечением стороннего материала. Этот вопрос требует специального изучения. Сам Болотов упоминает иностранную периодику и мемуары Фридриха Великого, о которых необходимо сказать отдельно. Очевидно, что

³⁸ Жизнь и странные приключения умершаго в 1788 году Карла Эдуарда... С. 3.

³⁹ Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 365.

Фридрих был одним из величайших современников Болотова, с которым последний столкнулся если не лично, то близко, и поэтому понятно, что «Историю моего времени» Болотов читал с особенным чувством. И именно в предисловии к этому произведению сформулирована ценность личного исторического свидетельства, которое Фридрих ставит выше иных заслуг: «Мы имеем слишком много записок, анекдотов и известий, но весьма малое число таких писателей, кои имели важные чины, сами участвовали в делах, принадлежали ко двору или коим от государей было дозволено разбирать архивы. Сии о неизвестности Истории размышления часто меня занимали и родили во мне желание важнейшие происшествия, в которых я имел участие или по крайней мере которых я был свидетелем, предать потомству...».⁴⁰

Таким образом, сам принцип отступления от описания личной жизни для подробного рассказа об историческом контексте был почерпнут Болотовым из жанра исторической биографии. Возможность такого перехода от частного к общему служила для него одним из оснований для создания записок о себе.

Еще одной немаловажной особенностью болотовских мемуаров, источник которой следует искать в биографических текстах, является мотив предопределенности его судьбы и божественного покровительства над ним. Ряд эпизодов, в которых Болотов неоднократно подвергается смертельной опасности (понесла лошадь, случился пожар в комнате, едва не утонул и т. д.) свидетельствуют, что Господь хранит автора записок: «Всякий раз, когда размышляю я о течении моей жизни и о всех бывших со мною происшествиях, примечаю я в оной многие следы особливого божеского обо мне промысла и вижу ныне очень ясно, что и наиглавнейшими происшествиями со мною не иначе, как неведомая рука Господня управляла...».⁴¹ Более того, назначенный по рождению к военной карьере, Болотов отмечает, что не чувствовал к этой деятельности склонности и некоторые обстоятельства его жизни (например, боязнь стрельбы в детстве) уже заранее свидетельствовали, что Богу было угодно предназначить его к другой стезе, то есть к «науке и художе-

⁴⁰ Оставшиеся творения Фридриха Второго, короля прусского. СПб., 1789. Т. 1. С. 6–7.

⁴¹ *Болотов А. Т. Жизнь и приключения...* Т. I. Стб. 672.

ствам». В том, что ему в итоге удалось избежать военной службы, Болотову виделось особое божественное покровительство. Аналогичный мотив звучит во всех названных ранее жизнеописаниях. В частности, согласно биографу, принц Евгений был назначен к духовному званию, что «естественному в нем расположению противно было».⁴² Александр Македонский назван Курцием «Царем, судьбою predeterminedным на разрушение славного Персидского царства».⁴³ Даже очевидное несчастье может трактоваться как особый божественный промысел. О смерти брата принца Евгения полковника Юлия Людовика говорится: «Хотя сие приключение принцу Эвгению и весьма чувствительно было, однако ж оно может быть божьим определением в его пользу учинилось, дабы он Цесарскую милость и славу, которую бы ему с братом разделить надлежало, впредь один получать мог».⁴⁴ Подобным же образом Болотов нередко отмечает, что некие события, которые он переживал как несчастья или неудачи, «обратились в дальнюю пользу».

Другим источником своего рода вдохновения для Болотова могли послужить романы-биографии, представляющие собой жизнеописания, типологически близкие мемуарам, особенно написанные от первого лица. Отдельно следует остановиться на двух романах, которые Болотов пытался переводить еще в период военной службы. Во-первых, это роман Прево д'Экзиля «Аглицкой философ, или История господина Клевеланда, побочного сына Кромвелева, им самим описанная», который Болотов начал переводить в 1760 г. В том же году вышел перевод первого тома в типографии Сухопутного кадетского корпуса⁴⁵ и, видимо, поэтому Болотов работу над переводом прервал. В первую очередь следует обратить внимание

⁴² Описание жития и дел принца Эвгения, герцога Савойского и генералиссимуса над армиями его римского цесарского величества и всея империи с грьдорванными изображениями всех его баталий и знатнейших осад. СПб., 1740. Предисл. нenum.

⁴³ Квинта Курция история о Александре Великом царе македонском с дополнением Фрейнгсгейма и с примечаниями переведена с латинского языка вторично Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб., 1750. Т. 1. С. 3.

⁴⁴ Описание жития и дел принца Эвгения... С. 17.

⁴⁵ Филозоф аглинской, или Житие Клевеланда, побочного сына Кромвелева, самим им писанное и с аглинского на французский, а с французского на российской язык переведенное. СПб., 1760. Т. 1.

на образ главного героя и его философию (не случайно роман называется «Английский философ»). Роман написан от первого лица, и герой рассказывает о своей матери и о том воспитании, которое она ему дала. Живя в уединении, она составила хрестоматию из лучших древних и новых авторов, чтобы познакомить сына с достижениями мировой литературы. Но основное воспитание было философское: «...нравоучительная Философия была концом всех ее учений. <...> Всех древних и новейших философов в переводах со вниманием прочитав, выбрала из них с удивительным рассуждением все разумные их о благополучии и истине мнения. Составила из оных неусыпными своими трудами полную систему и все части оные с малым числом правил ясных и полезных чудным порядком связала. Сию любимую свою книгу читала она беспрестанно, сказывая, что в ней находила как в неисчерпаемом некоем источнике всегда себе отраду и утешение, силу и крепость, сердечного спокойствия основание, мыслей постоянство и утверждение».⁴⁶ Согласно мемуарам, Болотов поступал аналогичным образом: начал во время службы в Кенигсберге выписывать в так называемую «Памятную книжку» цитаты из сочинений философского и нравоучительного характера, а затем, компилируя идеи, почерпнутые из трудов нескольких философов (И. Г. Зильцера, Х. А. Крузия, И. Г. Гофмана и т. д.), составил свою философскую систему, которую проповедовал в собственных произведениях, прежде всего таких, как «Детская философия» (1776) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (1784).⁴⁷

В целом, указание на разумное воспитание героя, имеющее философские основания, — одно из общих мест европейского романа XVIII в. Но иногда совпадения с биографией Болотова кажутся поразительными. Так, в романе Дебульмье «Воспитание любви, или Действия ненависти, любви и дружества» (1782) герой говорит о себе: «Отец мой <...> взял первое мое наставление на себя, и на десятом году знал я <...> по-латине и по-гречески. Мать моя <...>

⁴⁶ Там же. С. 9–10.

⁴⁷ Подробнее см.: *Артемьева Т. В.* История метафизики в России XVIII века. СПб., 1996. С. 245–264; *Веселова А. Ю.* Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова: литературная критика и садово-парковое искусство: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 18–54.

учила меня рисовать и музыке <...> старый солдат <...> учил меня артикулу. <...> Дядя мой <...> препроводил зиму у моего родителя <...> я <...> научился от него первым основаниям математики и фортификации, мы забавлялись также <...> делать некоторые физические и химические опыты <...> А чтоб направить мое сердце к добродетели, то мне только оставалось следовать примерам моих родителей <...>. Что касается до наук <...> то малое чтение и большое размышление мое научило меня тому, что я об них знаю». Если заменить древние языки на немецкий и убрать музыку, то все остальное напрямую относится к биографии Болотова, включая дядю, у которого он брал книги по фортификации, и старого солдата, обучавшего его ружейным приемам.

Одним из основных положений философской системы многих литературных героев этого времени, в том числе Клевеланда и его матери, было утверждение, что наибольшее несчастье человеку приносит необузданность страстей. Избегание страстей и сознательный выбор тех удовольствий, которые не приносят никакого ущерба человеку и его близким, — также один из основных тезисов болотовской «науки быть счастливым».

В оценке страстей «Английский философ» перекликается еще с одним романом, который Болотов также перевел в 1760 г. Это роман Ш. Ла Морьера «Милорд Станлей, добродетельный преступник». В «Мыслях о романах...» Болотов посвятил ему отдельную статью, иронически отметив склонность автора к кровопролитиям. Тем не менее, он довольно высоко оценил роман за то нравоучение, которое из него можно почерпнуть. Главный воспитательный смысл романа Болотов видел в том, что роман обличает пагубность любовной страсти и благотворность уединенной жизни. В мемуарах Болотова и в письмах к Тулубьеву он неоднократно обращается к этой теме, высказывая опасение, что может оказаться жертвой «непостижимой страсти, сердца человеческие заражающей» и рассуждая об успехах своей философской системы в деле «преоборания любовной заразы».⁴⁸ Показательно, что и в реальном письме, и в мемуарах, и в переводе описания чувств стилистически близки. Так, в мемуарах он пишет о своей влюбленности в дальнюю род-

⁴⁸ Письма А. Т. Болотова к Н. Е. Тулубьеву (1760–1761). С. 319.

ственницу Бакееву: «...прелестями такими немудрено хоть кого заразить...»; «Заразит, проклятая, так и сам себе рад не будешь».⁴⁹

Здесь, вероятно, можно говорить об опосредованном влиянии романа-биографии на записки Болотова и на формирование им собственного образа в мемуарах. Еще Е. Н. Щепкина справедливо отмечала: «...характер и воззрения его складывались в значительной степени под влиянием книг»,⁵⁰ а современный исследователь Кузнецов утверждает, что чтение «формировало его личность как гражданина, как ученого, как писателя».⁵¹ Вероятно, Болотов, особенно в молодости, нередко следовал в своей жизни романам.

Не случайно в этом жанре он более всего ценил достоверность вымысла. Ненатуральность — одна из главных его претензий к роману. Произведения Эмина и П. З. Хомякова, представляющие собой псевдодокументальные тексты, Болотов критикует крайне резко, а их авторов обвиняет во лжи, как и автора «Милорда Станлея»: «Издатель оригинала сей книги сколько ни старался придать описанной в ней повести вид справедливости и хотя нарочно для того предпослать оной уведомление о своем личном знакомстве с героем оной, однако вся повесть имеет столь многие явные черты романа, что всякий скоро узнает, что она вымышленная, что сочинитель бесстыдно лжет, и что книга сия принадлежит к числу романов».⁵² Здесь Болотов выступает за чистоту жанра, но в то же время для него очевидно типологическое сходство между мемуарами и романом, позволяющее одно выдавать за другое.

Одно из оснований такого сходства — «социально-психологические особенности эпохи»,⁵³ отраженные в болотовских мемуарах. Вероятно, иногда Болотов и сам это замечал. Но именно роман,

⁴⁹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. III. Стб. 385. Ср. в болотовском переводе «Милорда Станлея»: «Я не знал еще точного состояния моего сердца, а чувствовал уже новую заразу» (РГБ. Ф. 475. К. 5. Ед. 4. Л. 20 об.).

⁵⁰ Щепкина Е. Н. Популярная литература середины XVIII века (по запискам А. Т. Болотова) // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. ССXLIV. Апрель. С. 240.

⁵¹ Кузнецов А. Е. Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление. С. 7.

⁵² ИРЛИ. Ф. 537. № 14. Л. 28.

⁵³ Кузнецов А. Е. Проза Андрея Тимофеевича Болотова как художественное явление. С. 15.

как достоверное повествование о человеческой судьбе, причем дающее моральную оценку, легитимизировал мемуары в качестве достоверного рассказа о реальной жизни. Сюжетообразующим фактором для Болотова стала его философия, точнее ее практическое применение. Рассматривая свою жизнь как реализацию определенных философских установок, сформулированных им в соответствующих произведениях, Болотов создавал мемуары во многом как наставление потомкам, с помощью различных повествовательных приемов, а также включением в исторический контекст, стараясь придать ему увлекательную форму. Н. В. Водовозов отмечает: «...общее единство книги достигается тем, что в основе ее находится одна идея: создать художественное руководство, по которому следующие поколения могли бы научиться трудному искусству жизни».⁵⁴ О том же пишет Г. В. Токарева, отмечая в записках Болотова «своеобразный контур сюжета, еще не четко выраженный, внутренне мотивированный авторской концепцией собственной жизни...».⁵⁵ При этом определенный фатализм, тема предопределенности судьбы, пронизывающий весь текст записок, не только отвечает основным положениям учения Х. А. Крузиуса о свободе воли (телематологии), которому Болотов следовал, но становится одной из форм самоуничтожения, сродни этикетным формулам о просьбах друга описать свою жизнь. В итоге специфика болотовских мемуаров заключается в декларируемом (и успешно реализованном) стремлении сохранить достоверность повествования и одновременном прямом заимствовании беллетристических элементов. И это делает записки одним из интереснейших образцов жанра своего времени.

⁵⁴ Водовозов Н. В. Андрей Тимофеевич Болотов — писатель XVIII века // Русская классическая литература. Учен. зап. Московского городского педагогического ин-та им. В. П. Потемкина. 1960. Т. CVIII. Вып. 10. С. 38.

⁵⁵ Токарева Г. В. Русская автобиографическая литература в общественно-культурном контексте. Конец XVIII — начало XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 49.